
ПОРТРЕТ ИНВЕСТОРА В ЮНОСТИ

Мой родной город Демополис лежит в сердце алабамских тростников, где сливаются реки Блэк-Уорриор и Томбигби. Это крупнейший город округа Маренго. Он находится посреди региона, образуемого Джорджией, Алабамой и Миссисипи и известного как Черный пояс. Это название он получил за слой жирного плодородного чернозема; здесь еще двести лет назад возделывали огромные плантации хлопка. Некоторые из них хотя и пережили рабство, но все капитулировали перед хлопковым долгоносиком. В этой-то земле мы с приятелями в детстве копали наживку, перед тем как уйти на весь день на рыбалку. Американские сомики всеядны и клюют почти на все, что могут унюхать, а унюхать они могут что угодно. Ну а дождевых червей в жаркий летний день найти куда легче, чем сверчков. Мне было, кажется, восемь, мы копались во дворе нашего дома, когда мой двоюродный брат Уэйд, на десять месяцев старше меня, отпустил

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

замечание, которое, хотя в то время оно ничего для меня не значило, я помню очень ясно: «Если мы будем и дальше копать, — сказал он, — то дороем до Китая». Я уже знал, что Земля круглая, но, пока не стал тесно общаться с глобусом (а я до сих пор это делаю с большим энтузиазмом), не мог сполна оценить, что прямо напротив Алабамы, на другой стороне планеты, распостерлась огромная территория Китайской Народной Республики, на которой мог бы появиться и я, вымокший и весь в грязи, если бы у меня достало терпения продолжать копать.

С тех пор прошли десятки лет, я проделал сложный кружной путь, но как раз недалеко от Китая я теперь и живу, и две мои голубоглазые дочери-блондинки говорят на мандаринском диалекте китайского так же хорошо, как и по-английски. Как я стал постоянным жителем Сингапура — тоже история копания, хотя и другого — менее напряженного, но не менее энергичного. Это итог моих постоянных попыток познать законы, по которым живет мир, сформулировать собственные, изучить все самому. Сейчас у меня за плечами уже два кругосветных путешествия — первое на мотоцикле, второе на автомобиле. Исследуя мир на уровне земной поверхности, я нанес на карту своих приключений более сотни стран в течение тех пяти лет. Я считал, что понимание истории и ее закономерностей не снисходит в кабинете, а происходит при моем непосредственном участии. Это дало свои результаты — и материальные, и в личной жизни, и неизбежно привело меня сюда, далеко от алабамской глухи, в этот китайский авантюрист на южной оконечности Малаккского полуострова. Если история что-то и подтверждает, то разве что истинность древнегреческого изречения: «Нет ничего

Портрет инвестора в юности

постоянного, кроме самих перемен». Восходящее к 6 веку до нашей эры, оно приписывается философу Гераклиту, который в афористической форме сообщил нам, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Успех в жизни зависит от способности предчувствовать перемены, и я переехал в Сингапур, когда осознал, что мир стоит на пороге исторического сдвига — резкого переформирования зон влияния, упадка главенства США в мире и соответствующего возвращения Азии. Я пишу это в условиях мирового финансово-государственного кризиса, который является, как хотели бы заставить вас думать многие политики, времененным. Нам говорят, что все изменится. С этим спорить не буду. Я просто хочу сказать, что в течение нашей жизни вряд ли все изменится навсегда. Ужасное долговое бремя многих государств приведет к резким изменениям в нашей жизни и работе. Многие известные компании, традиции, политические партии, правительства, культуры и даже нации придут в упадок, потерпят крах или просто исчезнут с лица земли, как это не раз случалось во времена политических и экономических потрясений. Например, история инвестиционного банка Bear Sterns насчитывала десятилетия, пока он не лопнул в 2008 году. Финансовая компания Lehman Brothers, которая пошла ко дну в том же году, работала полтора столетия. Обвал этих почтенных глобальных корпораций — лучший пример того, с какими изменениями обстоятельствами приходится сталкиваться многим американским организациям. Гарвард, Принстон и Стэнфорд, хотя они, возможно, этого еще и не знают, движутся к банкротству. Скоро с проблемами столкнутся музеи, больницы и другие учреждения, которые мы знаем и любим, и многие из них исчезнут в потрясениях, финансовых или

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

экономических. Кто-то говорит, что напрасно я, словно современная Кассандра, бью тревогу. Но я не вижу оснований для опровержения своих слов в будущем, и вряд ли оно пренесет какие-то сюрпризы. Дуют ветры перемен, и дуют они из Китая, и весьма предсказуемым образом. То, что мы наблюдаем, — обычное дело: история переворачивает страну. И на всем протяжении истории такие переходные времена открывали тем, кто к ним чуток, новые возможности, так что меня переполняет оптимизм. В начале XIX столетия умные направлялись в Лондон, в начале XX-го — собирались в Нью-Йорк. Если вы умны сейчас, в начале XXI века, — позе�айте в Азию. Через сто лет цикл перемен может привести вас куда угодно. Например, в конце первого тысячелетия все умнейшие люди собирались в Кордобе, в этом цветке исламской Испании, — в то время интеллектуальном центре Европы и крупнейшем городе мира.

Я переехал в Азию в 2007 году и, самое важное, перевез сюда детей. Когда они вырастут, знание Азии будет обязательным условием успеха, а знание китайского окажется настолько же важным во всем мире, как сейчас владение английским. Власть и влияние в мире в 1920—1930-х годах перешли от Великобритании к США. Потеря Британией лидирующих позиций усугублялась финансовым кризисом и политическими неурядицами, но оставалась незамеченной многими на протяжении двадцати-тридцати лет. Сейчас власть и влияние переходят из США в Азию, процесс ускоряется теми же причинами; при этом перемен по-прежнему многие не осознают. Переход лидерства к Азии происходит во времена второго исторического сдвига. В глубинах финансового кризиса мир стоит на грани отказа от самих

финансов — на грани циклического отхода от финансовых структур как источника процветания. В истории случались периоды, когда главными были финансисты, а в иные времена все зависело от реальных производителей товаров: фермеров, шахтеров, поставщиков энергии, лесорубов. В 1950 — 1970-е годы, до наступления эпохи бычьих рынков, Уолл-стрит и лондонский Сити пребывали в застое. Им светит это снова. Финансовые воротилы нынче не на коне, а те, кто, как в Книге Иисуса Навина*, «рубит дрова и черпает воду», сегодня наследуют землю. Исследуя исторические силы, которые приводят к таким изменениям, и придерживаясь простой гипотезы, что ничто не продолжается вечно, я пришел к пониманию тонкого замечания одного из величайших мыслителей цивилизации Альберта Эйнштейна, который сказал: «Две вещи действительно бесконечны: Вселенная и человеческая глупость. Впрочем, насчет Вселенной я не уверен». Не будем забывать, что Кассандра, троянская царевна, досаждавшая окружающим призывами не впускать в город деревянного коня, битком набитого греками, в конечном счете все же оказалась права. Одна из целей написания этой книги — пролить свет на то, как мы пришли к такой жизни и как нам лучше всего подготовиться к будущему. Для этого я хочу поделиться с вами наблюдениями, сделанными на протяжении всей моей жизни, — наблюдениями из области финансов, инвестиций и поисков приключений; уроками, которые я извлек по мере взросления на пути, приведшем меня с земель Черного пояса в этот южноазиатский город-государство

---

* Книга Иисуса Навина — шестая книга в Ветхом Завете и первая книга пророков. Прим. ред.

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

в другом полушарии. Это было путешествие длиною в жизнь, в течение которого двором моего дома стал весь мир.

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА РЫНКАХ начались весной 1964 года. Я был старшекурсником в Йеле и оказался на Уолл-стрит примерно так же, как в Лиге плюща, то есть случайно. В школе я был ревностным членом Key Club*, самоуправляемой организации, составной части Kiwanis International**, до 1976 года принимавшей только мальчиков. Стать ее членом в Демополисе что-то да значило, потому что местный спонсор принял решение зачислять только пять новых членов в год. В тот год, когда я был его президентом, клуб Демополиса победил в номинации «Лучший в мире Key Club в небольшом городе». А Йельский университет вручал четырехлетние стипендии членам этого клуба. Благодаря стипендии я и узнал о Йеле. Если бы не Key Club, я даже не пытался бы туда поступать. Зато я с полным основанием надеялся поступить в единственный, кроме Йеля, колледж, в который подавал документы, — в Южный университет в Севани, в штате Теннесси, в колледж свободных искусств под патронатом епископальной церкви.

Меня приняли в Севани сразу же после подачи документов. И только в апреле или мае, когда отец уже отправил туда требуемую сумму — 50 долларов, я получил толстый конверт из Йеля с извещением, что принят и что мне назначена

---

* Key Club — организация по развитию лидерства в школах США, основана в 1925 году. *Прим. перев.*

** Kiwanis International — международная некоммерческая организация, цель которой — улучшение мира через развитие партнерских и дружеских связей; основана в 1915 году. *Прим. перев.*

стипендия Key Club — две тысячи долларов в год. Я был в шоке. Мне было семнадцать, и я мало что знал о Йеле кроме того, что этот университет расположен в Нью-Хейвене, в штате Коннектикут. Впрочем, мои родители, люди опытные, хорошо понимали значение моего поступления. У обоих было высшее образование: они познакомились, когда учились в университете Оклахомы, где входили в общество Phi Beta Kappa*. Отец изучал нефтяное дело, а мама — свободные искусства. Для них мое поступление в Йель значило очень многое. Помню, отец говорил: «Нас немного беспокоит, что ты отправляешься в этот бастион северного либерализма», но на самом деле оба были очень рады. Правда, радость отца несколько умерила тот факт, что 50 долларов, которые он отправил в Севани, получить назад не удастся, а 50 долларов в Демополисе в 1960 году были большими деньгами. Собственно, это и сейчас немалая сумма, но тогда они стоили примерно в семь раз больше, чем сейчас. Я был самым старшим из пяти братьев и одним из примерно пятидесяти учеников в своем классе и быстро решил продемонстрировать всем гипертрофированное чувство собственной важности, которое подкреплялось такой удачей. Я тут же стал, как говорят в таких случаях, задаваться, но моему самомнению была уготована недолгая жизнь. Постепенно до меня стало доходить: «Ой-ой-ой, я еду в Йель!» И тут я испугался, поняв, что вообще-то для меня это слишком круто, и подумал: «Что теперь делать?...»

Тем летом, отправившись на собрание Key Club в Бостоне, я сошел с поезда в Нью-Хейвене и пошел в приемную

---

* Привилегированное общество студентов и выпускников колледжей, основанное в 1776 г. *Прим. перев.*

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

комиссию Йеля. Хотелось узнать, за что же меня приняли. Я надеялся, что, получив ответ на этот вопрос, пойму, чего мне ожидать — и чего ожидают от меня.

Председатель приемной комиссии открыл мою папку и сказал: «Что вы хотите знать? Вы окончили курс первым в своем классе, по многим предметам у вас высший балл, средняя оценка — почти сто»*. Да, но все это было в Демополисе! «О господи, — подумал я, — они тут думают, что я умный, что я что-то знаю...» Чувствуя себя совершенно не готовым к тому, чтобы держаться на уровне со студентами из престижных северо-восточных школ, я прибыл в Йель, намереваясь учиться намного усерднее, чем другие.

Помнится, однажды предстояло сдавать какой-то тест, и один мой сокурсник сказал, что собирается готовиться к нему пять часов. Он пояснил: «Этот тест стоит пяти часов подготовки». Этот аргумент показался мне очень странным. Мой собственный подход состоял в том, чтобы готовиться до тех пор, пока я не пойму все, а потом — еще немного, чтобы быть окончательно уверенным. Этот подход — нет такого понятия, как достаточно, — я применял ко всему (как и мои братья, я унаследовал его от родителей). Всегда нужно продолжать учиться, или работать, или исследовать — в зависимости от того, какая стоит задача. Сейчас мне так хочется донести эту мысль до своих детей! Вот бы позвонить отцу или матери и спросить их: «Какую таблетку вы нам дали?» Можно назвать это дисциплиной, прилежанием, трудовой этикой — все это у нас с братьями врожденное. Не знаю, откуда оно взялось — может быть, какой-то ген... Конечно, я

---

* По стобалльной шкале. Прим. перев.

не одинок в высокой оценке упорства — все мы знаем умных и талантливых людей, которые не добились успеха. Именно упорство решает многое.

Стоимость обучения, аренды комнаты и питания в Йеле составляла тогда 2300 долларов. Стипендия покрывала только 2000, надо было откуда-то брать еще 300 долларов, и это не считая покупки книг и других мелких расходов. Я устроился в столовую помощником официанта на несколько часов в неделю и в течение всего обучения в университете постоянно брался за работу с частичной занятостью. Опыт работы, полученный в юности, дает неоценимые преимущества. Он не только учит ценить деньги, но и помогает развивать себя как личность: учась управлять собственными средствами, вы постепенно становитесь независимым. Я рано стал платить за себя сам, еще до того как поступил в Йель. Когда мне было шесть, отец рассказал мне, что «деньги на деревьях не растут», и настоял, чтобы я сам заплатил за свою бейсбольную перчатку. Я пошел в демополисский магазин Брасвелла и выбрал перчатку за четыре доллара. Я принес ее домой и каждую субботу возвращался заплатить Крузу Брасвеллу, владельцу магазина, пятнадцать центов, пока не выплатил всю сумму. Прошло много лет, и декан Колумбийской школы бизнеса, вспоминая о своих студенческих годах, сказал мне, что верный признак счастья во взрослой жизни — это оплачиваемая работа в студенчестве.

Так или иначе, в Йеле мне очень нравилось. Я специализировался в истории и был рулевым гребной восьмерки на младших курсах (потом я уже греблей не занимался). Я даже немного играл в театре и исполнил пару главных ролей. Режиссером одного спектакля был Джон Бэдэм,

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

выпускник 1961 года. Только представьте себе, каким хитом стала бы его «Лихорадка субботнего вечера», если бы, подбирая актера на главную роль, он вспомнил обо мне! Но, как бы я ни любил театр, слишком далеко в актерстве я не заходил — по тем же причинам, что и в гребле. Я посвятил себя учебе. И вскоре это оправдалось. Хотя я был не так умен, как все остальные, выпустился я с отличием.

Как и многие выпускники, я, конечно, понятия не имел, что делать дальше. Меня приняли в Гарвардскую школу бизнеса, а также на юридические факультеты Гарварда и Йеля, но я с равным энтузиазмом подумывал и о том, чтобы подать документы в медицинский университет. На самом же деле мне больше всего хотелось путешествовать. В детстве я обожал «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса, и джентльмены из Пиквикского клуба с их авантюрными похождениями, должно быть, сыграли свою роль в развитии моей страсти к путешествиям. Я уже в двадцать один год был достаточно разумен, чтобы понять, что сам переезд — в моем случае из деревенской Алабамы в престижную коннектикутскую школу из Лиги плюща, расположенную в тысяче миль от дома, — сыграл значительную роль в моем образовании. Это открыло мне глаза и многому научило: «Поставится ли в вину презрение к Англии — тем, кто видел ее однажды?», как писал Редьярд Киплинг в «Английском флаге»*. Я всегда чувствовал себя неуютно в обществе многих ребят из Йеля, потому что они-то путешествовали много. Я всегда хотел узнать и повидать как можно больше. За несколько лет до того я рассказал об этом желании своей девушке

---

* Пер. Е. Витковского.

Портрет инвестора в юности

Дженет Корли. «Мне шестнадцать лет, — воскликнул я, — а я еще нигде не побывал!» Искушенная Дженет могла только посочувствовать. «Мне тоже шестнадцать, а я уже побывала во многих местах, — отметила она. — Я была в Бирмингеме, в Мобиле, в Монтгомери, в Тускалузе...» С целью расширить горизонты я подал множество заявок на стипендии, чтобы обучаться за океаном. Когда в кампусе показались агенты по найму персонала, я уже получил предоставленную Йелем академическую стипендию на изучение философии, политологии и экономики в Бэллиол-колледже Оксфордского университета. Это была возможность отправиться за границу, а также получить еще два года на принятие решения о том, что я хочу делать дальше. (Кроме того, втайне я лелеял мечту выступить рулевым на легендарной регате Оксфорда и Кембриджа.) Я сгорал от нетерпения. Нужно было только найти работу на лето.

Dominick & Dominick, одна из старейших частных инвестиционных компаний США, активно набирала в Йеле сотрудников: белые туфли, голубая кровь — все там у них были такие йельские... Это была одна из компаний, которые назначили мне собеседование. В других фирмах я не очень преуспел, зато отлично сошелся с Джо Каччотти, специалистом по подбору персонала из Dominick & Dominick. Он вырос на улицах Бронкса, но при этом умудрился попасть в Гарвард; я тоже рос в глухи в Алабаме, но при этом попал в Йель. У нас явно было много общего, за одним исключением: компании требовались постоянные работники. Я сказал Джо: «Я не могу работать у вас постоянно, но с радостью устроился бы на лето». Компания Dominick & Dominick, основанная в 1870 году, один из первых членов Нью-Йоркской

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

фондовой биржи, вообще-то не имела обыкновения каждую весну приходить на выручку йельским студентам, желающим как-нибудь перекантоваться лето. Но каким-то образом (скорее всего, благодаря поддержке Джо) для меня сделали исключение, вот так летом 1964 года я попал на работу на Уолл-стрит. И к тому времени, как я (в том же году) уезжал в Оксфорд, я уже понимал, чем хочу заниматься остаток жизни.

ПОКА НЕ ПОСТУПИЛ НА РАБОТУ, об Уолл-стрит я знал только то, что это место где-то в Нью-Йорке и что там случилось что-то плохое в 1929 году. В то время я не имел понятия о том, что между акциями и облигациями есть разница, и уж тем более о том, в чем эта разница состоит. Я ничего не знал о валютах или сырьевых товарах. Не уверен, что мне было известно, что стоимость меди на рынках колеблется. Тем летом я работал в исследовательском отделе Dominick & Dominick, отвечая на запросы брокеров: «Платит ли General Motors дивиденды, и если да, то какие?» Я преуспевал в поиске информации. Работал и за трейдерской стойкой, где «делали рынок» акций, которые не числились в листинге Нью-Йорской фондовой биржи: в то время, до создания NASDAQ, акции покупались и продавались прямо на прилавке. Я многое узнал о том, как на самом деле работают рынки и осуществляются транзакции. Однажды старший партнер компании спросил меня, где я учился. Я ответил, что в Йеле. «Это хорошо, нам тут не нужны сплошные краснопузые или тигры», — сказал он, имея в виду, соответственно, выпускников Гарварда и Принстона. Я спросил совета, стоит ли поступать в школу бизнеса. «Ничему полезному тебя там не научат. Если ты

Портрет инвестора в юности

будешь тут продавать короткие позиции по акциям соевых бобов, ты больше узнаешь о рынках, чем за те два года, что впustую потратишь у них».

Это было очень интересное лето. Я увидел мир совершенно по-новому. Неожиданно оказалось, что изучение истории и современности, которым я занимался в Йеле, было не просто теоретическими упражнениями — оно имело практическую ценность. Моя страсть к познанию мира обрела смысл. Как студенту-историку мне было интересно узнавать о влиянии мировых событий на рынки. Но особенно удивительным оказалось, что сами мировые события очень предсказуемы — на основании данных с рынков. Я понял, что все в мире взаимосвязано, что революция в Чили скажется на цене меди, а затем на стоимости электричества и недвижимости, то есть на цене всего, — и притом по всему миру, даже, например, у домохозяев в Толедо. Я понял также: если предугадать, что в Чили грядет революция, можно сделать на этом состояние. То, что я узнал тем летом, и стало моим будущим: Уолл-стрит — место, где мне будут платить за мое стремление к исследованиям. И, если окажусь прав, платить будут очень много. На Уолл-стрит я буду получать достойную оплату, делая при этом то, что мне нравится. Это было мое первое (из двух) лето в Dominick & Dominick, и я сразу понял, что после Оксфорда не пойду на юридический факультет или в школу бизнеса. Как только смогу, я вернусь работать на Уолл-стрит.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)